

ТРОЕ ИЗ «АНГЛИЙСКОГО ПАЦИЕНТА»

Для тех, кто еще не видел фильма «Английский пациент», вначале немного о его сюжете: в старинном замке в Тоскании лежит обожженный до неузнаваемости человек, прозванный «английским пациентом». За ним ухаживает потерявшая мужа канадская медсестра Хэна. Постепенно пациент начинает вспоминать. А ему есть что вспомнить: пустыня, жара, война, очаровательная англичанка... Короче, эту историю о любви и предательстве стоит посмотреть если не на большом экране (что просто в кайф!), то хоть на кассетах, выпущенных «Премьер видео фильмом». Получите удовольствие — обещаю.

Хотя, должен заметить, после показа в России кинокомпанией «Премьер фильм» «Английского пациента» — обладателя «Оскара» в девяти номинациях — в прессе началась серьезная полемика типа: это — возвращение к большому стилю или просто его обломки? Это типично голливудская продукция или все же фильм ближе к европейской культуре? Но большинству зрителей, наверное, на такие тонкости плевать. И мы не будем сейчас вступать в споры, а просто предоставим слово трем исполнителям главных ролей — актерам Рейфу Файнсу (Алмаши, «английский пациент»), обладательнице «Оскара» Жюльетт Бинош (Хэна) и Кристин Скотт Томас (Кэтрин) — они расскажут о съемках, взаимоотношениях друг с другом, о своей личной жизни. Такие интервью заполучить очень трудно! Нашему корреспонденту Евгении ТИРАТОВОЙ это удалось.

Игорь ГАВРИКОВ,
ведущий «Киномании».

Рейф
Файнс:

«НЕ ЛЮБЛЮ, КОГДА ЛЕЗУТ В ДУШУ»

— Мистер Файнс, как вы чувствовали себя на съемках в Африке?

— Съемки проходили зимой в пустыне, в южной части Туниса. Было страшно холодно, особенно по ночам, только когда появлялось солнце, немного теплело. Но лишь солнце заходило, немедленно начинался жуткий холод, и сниматься в ночных эпизодах в шортах и легкой рубашке было не так просто. Мы все время кутались в одеяла, но вообще африканская пустыня — красота неопишная, и наблюдать там каждое утро восход и заход солнца, отражение его лучей на песке и горах — это что-то потрясающее.

— За свою карьеру вы сыграли немало сильных и мрачных характеров, тяжело ли это эмоционально, физически?

— Любая роль требует напряжения эмоций, и если ты действительно хочешь глубоко проникнуть в характер — это всегда дается дорогой ценой.

— В «Английском пациенте» ваше лицо спрятано за толстым слоем грима — оставалось полагаться только на глаза и голос?

— Да, это было неким актерским вызовом, я должен был терпеть этот чудовищный грим, я был неподвижен. Таковы были предложенные мне условия, и мне ничего не оставалось делать, как существовать в них. Нужно было сосредоточиться на внутреннем мире персонажа, пробудить свое воображение. Я принял этот вызов.

— В прекрасной сцене в душе — почему вы притались, в то время как Кристин Скотт Томас демонстрировала свои прелести?

— Я люблю секреты.

— Кто вам лично ближе — блестящая английская аристократка или милая канадская сиделка?

— Я работал с Жюльетт раньше — на «Грозном пе-

Фото Phil Bray

ревал», мы с ней отличные друзья, и я рад был опять с ней встретиться. Дружу я и с Кристин. Они замечательные актрисы и прекрасные, душевные женщины.

— Эта картина о любви, страсти и смерти. Что для вас важнее — любовь или страсть?

— Они неотделимы друг от друга. Любовь и страсть существуют вместе, и это рождает наиболее глубокие отношения. Одного физического желания недостаточно, но любовь без страсти — лишь голая идея. Великие примеры из кино и литературы подтверждают это. Алмаши и Кэтрин испытывают друг к другу необоримое физическое влечение, которое перерастает постепенно во что-то большее. То же в «Грозном перевале». Слияние душ и тел и есть большая любовь.

— «Английского пациента» называют одним из главных фильмов десятилетия. Чувствуете ли вы особенную ответственность, гордость за это?

— Сейчас я закончил новую картину. Это «Оскар и Люсинда» — любовная история, происходившая в 1860-е годы в Австралии. Так что жизнь продолжается.

— Испытывали ли вы в жизни такие же сильные чувства, как ваш персонаж в фильме?

— О, да. Да.

— Что в вас самом меняется с количеством сыгранных ролей?

— Каждая роль чему-то учит, а общение с аудиторией в театре — это вообще потрясающая вещь. Ты чувствуешь полноту жизни. Но такие особенные моменты не так уж часты, большую часть времени ты работаешь, что-то не получается, что-то выходит из-под контроля... Все время помнишь о том, что каждая минута стоит кучу долларов, а ты никак не достигаешь нужной гармонии. Я, например, часто впадал в депрессию на съемках «Списка Шиндлера», но это был очень важный жизненный и актерский опыт. Когда ты думаешь о холо-

сте, то начинаешь по-иному оценивать смысл понятий «свобода», «демократия», «мораль».

— Вы редко даете интервью, мало рассказываете о себе, бежите от славы...

— Я очень оберегаю свою личную жизнь — не люблю, когда лезут мне в душу. А слава — она просто помогает получать более интересные роли. Но если о тебе все время пишут, если ты все время на виду, то у этого есть и обратная сторона, ты можешь надоесть.

— А разве можно оставаться в тени, сыграв «Гамлета» на Бродвее?

— Всегда есть те, кто просит подписать программку, но я никогда не чувствовал ажиотажа вокруг меня в Нью-Йорке. Иногда со мной здороваются незнакомые мне люди — и это все.

— Вас можно назвать робким?

— Пожалуй, да. Мне часто задают очень личные вопросы, и я инстинктивно отгораживаюсь от них, может быть, это и есть то, что вы называете робостью.